

ЧЕРЧИЛЛЪ

НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

ЛОРД ЧЕРЧИЛЛЬ

БОРИС ТЕНЕНБАУМ

ЧЕРЧИЛЛЬ

НА ВЕРШИНЕ ВЛАСТИ

ЯУЗА ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82-94

ББК 85

Т 33

Оформление Г. Федотова

Тененбаум Б.

Т 33 Черчилль: На вершине власти / Борис Тененбаум. — М. : Яуза : Эксмо, 2014. — 512 с. — (Черчилль).

ISBN 978-5-699-70973-1

«Никогда еще не было случая, чтобы храбрость одного человека так влияла бы на ход истории!» — сказал о Черчилле его заклятый союзник Сталин. За свою долгую политическую карьеру сэр Уинстон занимал в британском правительстве едва ли не все возможные посты и дважды его возглавлял — но «звездным часом» премьера стала Вторая Мировая война. «Я не обещаю вам легкой победы и радости. Я обещаю вам кровь, пот и слезы...» — объявил Черчилль своему народу в начале смертельной схватки с фашизмом. И оставался у руля «Владычицы морей» всю войну, выиграв Битву за Англию и приведя «непотопляемый авианосец Европы» к победе над Гитлером.

Эта книга воздает должное величайшему политику XX века, навсегда вписавшему свое имя в историю. Это — мастер-класс от гроссмейстера «игры на мировой шахматной доске», сумевшего не только взлететь на политический олимп, но и десятилетиями держаться на вершине власти.

УДК 82-94

ББК 85

© Тененбаум Б., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70973-1

Молодой человек со сложными семейными обстоятельствами

(1874—1900)

I

20 июля 1900 года пассажирское судно «Dunnotar Castle», прибывшее из Южной Африки в Англию, в Саутхэмптон, доставило в числе прочих и молодого человека, который страшно торопился. Поэтому он и выбрал именно «Dunnotar Castle» — «Замок Даннотар». Пароходная линия «Castle Line» благодаря этому судну срезала время пути от Кейптауна до Саутхэмптона с 42 дней до 17 дней и 20 часов, а у молодого человека каждый час был на счету.

Он боялся опоздать — его кандидатура была выставлена на выборах в парламент в округе Олдхэм, куда он немедленно и отправился. 25 июля он произнес там пылкую предвыборную речь перед десятью тысячами своих потенциальных избирателей, а на следующий день выступил с еще одной речью, на этот раз — в Королевском театре Олдхэма. Принимали его замечательно, с шумом и аплодисментами. Увы, матушки молодого человека в зале не было: она собиралась замуж, и свадьба была назначена на 27 июля, так что выкроить время на то, чтобы приехать и послушать речь сына, она никак не могла.

27 июля 1900 года леди Черчилль, вдова лорда Рэндольфа Черчилля — матушка нашего героя, обвенчалась с капитаном полка шотландских гвардейцев по имени Джордж Корнуэллис-Уэст.

Отважный капитан был старше ее сына Уинстона Черчилля — который родился в 1874 году 30 ноября — всего на 16 дней. Это нуждается в некоторых комментариях.

Наверное, наиболее точным определением леди Черчилль было бы «веселая вдова» — в духе оперетты Ференца Легара, ко-

торая так и называлась. Беда была только в том, что в 1900 году до написания опереттты оставалось еще 5 лет, и если «*вдовой*» леди Джени Черчилль стала относительно недавно, то «*веселой*» ее можно было называть с полными на то основаниями уже добрых 20 лет.

Свои золотые женские годы она проводила довольно весело. По крайней мере, отцовство ее второго сына, Джона, приписывали вовсе не официальному супругу, лорду Рэндольфу, а ее «*ближнему другу*» виконту Фэлмоуту.

Что касается старшего сына, Уинстона, то он родился 30 ноября 1874 года, его отцом бесспорно был лорд Рэндольф, и сейчас он возвращался в Англию из Южной Африки в надежде успеть на свадьбу матери.

К его неполным двадцати шести годам Уинстона уже немало поносило по свету: в качестве военного корреспондента он побывал на Кубе, в качестве лейтенанта гусарского полка успел повоевать в Индии, в качестве сверхштатного офицера уланского полка — в Судане, а вот сейчас возвращался после сенсационного побега из плена, куда он угодил во время бурской войны. Буры с его статусом «*представителя прессы*» не посчитались, объяснив Уинстону, что к ним в плен сыновья лордов попадают не часто и они предпочитают его задержать как ценный материал для обмена. Он с их доводами не согласился и умудрился не только удрать из-под стражи, что само по себе было не так уж и трудно, пленных охраняли не строго, но и забраться тайком в товарный поезд и добраться таким образом до португальской колонии в Анголе.

Его побег наделал в Англии шуму — война шла неудачно, и романтическая история о храбром и предприимчивом молодом человеке грела сердце публики, что было на руку и самому юному удалцу: он собирался заняться политикой.

Это последнее замечание — «*решил заняться политикой*» — тоже нуждается в комментариях. Дело тут в том, что лорд Рэндольф лордом был, если можно так выразиться, условным. С одной стороны, ну как еще можно именовать человека, родителями которого были 7-й герцог Мальборо и его супруга, дочь 3-го маркиза Лондондерри? У этой любящей пары было 11 детей, и лорд Рэндольф был их пятым ребенком и третьим по счету сыном. Это последнее обстоятельство — то, что он был третьим из сыновей, — было решающим. Титул и состояние по законам майората наследовал старший сын, его сестер выдавали замуж за достойных их знатного имени супругов, а его братьям надо было делать карьеру самим. Старший оставался хранителем имени, семейного состояния и титула, своего рода живым памятником основате-

лю рода, и не случайно следующие обладатели титула нумеровались.

Джон Черчилль, 1-й герцог Мальборо, был национальным героем Англии во времена королевы Анны и войн, которые вела Англия против Людовика XIV. А лорд Рэндольф Черчилль был его потомком в восьмом поколении, но, к сожалению, только в качестве «*младшего сына седьмого герцога Мальборо*».

Для таких «*младших сыновей*» знатнейших родов Англии, впрочем, открывались неплохие перспективы в политике, или в юриспруденции, или в военной сфере. Наконец, к последней четверти XIX века появилась и еще одна возможность: жениться на наследнице какого-нибудь американского нувориша, соединив таким образом в одной семье и знатное имя, и приличные деньги. Лорд Рэндольф, кстати, так и сделал. Он женился на Дженни Джером, дочери американского миллионера, и молодые супруги весьма скоро стали родителями — что на месяц отличалось от ожиданий и вызвало потом некоторые толки.

Как бы то ни было, лорд Рэндольф не ограничился браком с богатой наследницей, а занялся и политикой. И, надо сказать, поначалу очень успешно. Будучи младшим сыном пэра, он не имел права на наследование титула, но имел право быть избранным в палату общин, где могли выразить свою волю «*простые люди Англии*». Конечно, не все эти простые люди были так уж просты, попадались и честолюбивые отпрыски аристократических родов, вроде самого лорда Рэндольфа, и богатые воротилы индустрии, торговли, банковского дела, но хватало и адвокатов, и социальных реформаторов, и деятелей, связанных со всевозможными общественными и церковными организациями.

Некоторые из них и вправду выходили из самых низов, что придавало английской социальной системе большую гибкость: самые талантливые люди из числа тех, кто отважно шел на штурм «*крепостной стены сословных привилегий*», при наличии успеха немедленно принимались в ряды тех, кто на стене уже стоял. Скажем, попавший в парламент в 1890 году Дэвид Ллойд Джордж — сын учителя, выбившийся в юристы.

Что до лорда Рэндольфа, то ему, конечно, помогали и семейные связи, и громкое имя, так что в парламент он попал легко. И начал двигаться вверх и вверх, пока не занял пост министра финансов. В Англии, тщательно соблюдающей старинные традиции, министр финансов официально назывался не министром финансов, а «*Chancellor of the Exchequer*», что в принципе можно перевести как «*Канцлер Клетчатой Доски*». Но функции его, конечно же, к «*клетчатой доске*» отношения не имеют, а состоят

в основном в формировании государственного бюджета и управлении им.

Все по той же традиции пост этот уступает по значению только посту премьер-министра.

Дело, в общем, шло к тому, что лорд Рэндольф и сам сможет со временем притязать на роль премьера — но что-то в его жизни сломалось. Он наделал глупостей и долгов, ушел в отставку и вскоре умер. Брак его фактически развалился задолго до его смерти, и все, что от него осталось, был его старший сын Уинстон, для которого отец был героем и чей путь в политике он собирался повторить.

II

Сделать это, однако, было не так-то легко даже и внуку 7-го герцога Мальборо. Ну, для начала — ни у Уинстона, ни у его ма-тушки не было никаких серьезных средств. Американский де-душка был натурой увлекающейся и тратил на скаковых лошадей и на балерин столько, что дочери много он уже не оставил. Леди Черчилль сыну серьезно помочь деньгами не могла — во-первых, у нее их было немного, во-вторых, тратила она их широко, в-третьих, чувства ставила выше материальных соображений, что видно и из заключенного ею второго брака — ее новый муж был моложе ее на 20 лет, но средств не имел.

Правда, не имея денег, она имела завидные социальные связи. Викторианское общество на многие вещи смотрело широко, так что леди Черчилль считалась особой если и не вполне респектабельной, то и уж никак не парией. А так как она была к тому же очень красива, дружелюбна и обаятельна, то с ней дружили очень многие — даже жена принца Уэльского, с которым у Дженни Черчилль был недолгий роман. В общем, первые газетные заказы на статьи своему сыну устроила именно она.

Пытаться пробиться в журналистику его вынудила нужда. Денег не хватало просто отчаянно — служебное жалование молодого офицера элитного полка не покрывало и половины того, что ему требовалось тратить для поддержания социального статуса. Решение зарабатывать деньги пером было весьма отважным — формальное образование было у Уинстона Черчилля если не нулевым, то весьма близким к этой печальной отметке.

По заведенным порядкам викторианского общества, юные аристократы должны были учиться в частных школах, где они жили на полном пансионе. Учился Уинстон отвратительно.

В классе из одиннадцати учеников он занимал прочное одиннадцатое место.

Когда его забрали из школы и перевели в другую, он в классе из 21 ученика столь же твердо встал на 21-е место.

Отчаявшийся лорд Рэндольф решил, что ни политика, ни юриспруденция его болвану-сыну не подходят, и предложил ему попробовать военную карьеру. В итоге Уинстон поступил в военное училище Сэндхерст, в кавалерию — экзамены туда были легче, чем в пехоту. Ну, в науках он и там не блистал, но хорошо занимался в классах истории и английского, даже стал, как ни странно, чемпионом училища по фехтованию. Честолюбие у него было бешеное, он всячески старался обратить на себя внимание, и в результате стал весьма непопулярен среди собратьев, гусарских офицеров, которые прозвали его «ловцом мегалей». Он, можно сказать, лез на рожон и так норовил показаться на всеобщее обозрение в самом опасном месте, что это вполне можно было посчитать позерством.

В защиту юного гусара следует сказать, что под огнем он никаких героических истерик не устраивал, а, напротив, вел себя весьма разумно и хладнокровно. Когда в Судане, в сражении под Омдурманом, он оказался лицом к лицу с полудюжиной противников, он не стал полагаться на свои способности фехтовальщика, а попросту вытащил из кобуры револьвер и пустил его в ход. Угодив вместе с остальными в Южной Африке в засаду, остановившую их бронепоезд, он занялся не стрельбой по невидимому противнику, а до последнего старался убрать препятствия с рельсов, чтобы бронепоезд мог попытаться уйти назад. А когда это не получилось, не сдался в плен вместе с остальными, а попытался бежать. Неудачно — его поймали. Но поскольку в итоге молодому корреспонденту Уинстону Черчиллю бежать все же удалось и на волне этого успеха даже приобрести значительную известность, он решил немедленно превратить этот успех во что-то осязаемое и попытаться пройти в парламент.

Он, собственно, уже пробовал это сделать в 1899 году, когда выставил свою кандидатуру на досрочных выборах на освободившееся в парламенте место, но проиграл. Он вернулся на войну, сумел получить лейтенантский чин в полку Легкой Южно-Африканской Кавалерии, в числе первых ворвался в завоеванную наконец Преторию — и теперь твердо рассчитывал, что военный опыт улучшит его шансы у избирателей.

Так и вышло. В 1900 году Уинстон Черчилль получил место в парламенте и немедленно отправился в лекционный тур по Англии, США и Канаде.

Во-первых, ему тогда — как, впрочем, и всегда — были очень нужны деньги, а его лекции, как оказалось, собирали много народу.

Во-вторых, у него появилась основательная тема для бесед на политические темы — опыт бурской войны.

В отличие от обычных стычек по периметру колониальных границ Британской империи, в этот раз англичанам пришлось воевать с людьми, вооруженными на европейский лад.

Да еще и в условиях ссоры Англии с Германией.

Конец La Belle Epoque

(1895—1914)

«The French called the era from 1895 to 1914 La Belle Epoque. It was an epoch of beautiful clothes and the peak of luxury living for a select few — the very rich and the very privileged through birth».

«Французы называли эру между 1895 и 1914-м «Прекрасной Эпохой». Это было время восхитительных костюмов и пика роскоши и комфорта для немногих избранных — очень богатых и очень привилегированных просто по праву рождения».

Из энциклопедии

*Словно в зеркале страшной ночи
И беснуется, и не хочет
Узнавать себя человек,
А по набережной легендарной
Приближался — не календарный —
Настоящий двадцатый век.*

А. Ахматова

I

Ссора началась вроде бы с пустяка. Ну что, собственно, было такого в том, что император Германии Вильгельм II отправил телеграмму президенту республики Трансвааль? Император поздравил президента «с восстановлением законного порядка» в стране, не слишком заметной на карте Африки, — вот и все.

Рейд в Трансвааль, столь успешно отбитый бурами, вообще-то имел целью захват новооткрытых и весьма перспективных золотых приисков. Он был организован английскими подданными, среди которых были и весьма заметные люди, вроде знаменитого Сесилия Родса, но поддержки правительства не имел. В Англии неудача была встречена вполне равнодушно, и идея, что *«так разбойникам и надо»*, была выражена в Лондоне даже и полуофициально.

Однако телеграмма кайзера не просто поздравляла президента с тем, что с кризисом удалось справиться, а добавляла, что это удалось сделать *«не прибегая к помощи гружественных держав»*.

Как следовало понимать это неосторожное выражение? Конечно, одна суверенная держава вполне может помочь другой суверенной державе. Однако Трансвааль был не вполне суверенной державой — Англия по договору с ним имела право утверждения его международных договоров, и Германия этого права вроде бы не оспаривала?

Если же оспаривала — то по какому праву? И в какой форме она была бы готова *«оказать гружественную помощь»* бурской республике?

Все это очень походило на угрозу, а Великобритания в 1896 году не привыкла к тому, чтобы ей угрожали.

Взрыв негодования в Англии был всеобщим. Королева Виктория сделала кайзеру Вильгельму — своему внуку — строгое письменное внушение. Он ответил ей письмом довольно покаянным.

Тем дело и кончилось, если не считать двух дополнительных обстоятельств.

Во-первых, британское Адмиралтейство сочло нужным отправить в Северное море собранную на скорую руку так называемую «летучую» эскадру.

Во-вторых, Германия в том же 1896 году направила в Китай небольшой отряд крейсеров.

Командовал отрядом адмирал флота Германской империи по фамилии Тирпиц.

II

Мир на пороге начала нового, двадцатого века имел центр. Центром этим была Европа. К вышеуказанному определению *«центром мира была Европа»* не следовало даже добавлять особых дополнений вроде: *«весьма вероятно, скорее всего или даже «бесспорно»*. Они только ослабляли бы ясный и неоспоримый для современников факт: центр мира — Европа. Все, что было связано с наукой, с технологией, с управлением, с государственными законами, с судом — все это имело один-единственный стандарт — европейский.

Термин «европейский» не обязательно замыкался в границах собственно Европы. Россия, чья территория простиралась от Балтики и до Тихого океана, уже двести лет как входила в европейскую систему, и сама Российская империя была одной из великих европейских держав. Америка, отделенная от Европы Атлантическим океаном, была населена выходцами из Европы и управля-

лась по принципам, которые они принесли с собой. Театры в Бостоне и в Нью-Йорке показывали свежие постановки, привезенные из Лондона. Старина Джером, дед Уинстона Черчилля, завел у себя в Нью-Йорке, в «Доме Джерома», театр на 600 мест, и пела в нем шведская певица, которая нравилась ему не только своим пением и стоила, пожалуй, не меньше, чем весь театр.

В тысячах километров не то что от европейских, но даже и от ближайших больших американских городов, в глухом захолустье Скалистых гор, шахтерском городке Эспене, было выстроено здание оперы — и оно не пустовало. Китайские дипломаты носили сшитые в Париже фраки и изъяснялись по-французски. Мундиры турецких генералов копировались с европейских образцов.

Европа безусловно ощущала себя чем-то единым. Кроны, марки, франки, рубли — все приводилось к единому для всех золотому стандарту. Границы были проницаемы — и для торговли, и для путешествий. Человек со средствами мог прокатиться от Норвегии до Сицилии без особых бюрократических проблем.

С другой стороны, континентальная Европа состояла из могущественных и вооруженных государств, военных империй, зорко следивших друг за другом, ибо преимущество, полученное одной из них в одностороннем порядке, немедленно расстраивало весь хрупкий баланс сил, на котором и держалось европейское равновесие.

После разгрома Франции в 1870 году одной из главных забот новообразованной Германской империи было недопущение ситуации, при которой французские вооруженные силы были бы в состоянии помериться силами с германскими.

Но новый разгром Франции поставил бы под угрозу уже безопасность восточной соседки Германии, России, и она твердо решила не допустить этого.

С другой стороны, бесконечные споры России и Австрии за турецкое наследство на Балканах не могли оставить в стороне Германию. Если бы Австрия потерпела поражение — усилившаяся Россия представляла бы угрозу Германии с востока.

Все эти соображения понемногу приводили к созданию «перестраховочных» военных союзов: России с Францией, Германии — с Австрией.

Единственной великой державой Европы, не озабоченной кознями врагов и не ищущей симпатий возможных союзников, была Англия. Внешнеполитическая линия страны называлась — вполне исчерпывающе — «блестящей изоляцией», а внутреннее ее управление было лучшим в Европе.

Уильям Макнил в своей знаменитой книге «The Rise of The West» утверждает, что *«качество управления страной напрямую*

связано с количеством общественных групп и граждан, заинтересованных в участии в управлении». Там, где эти группы, состоящие из торговцев, финансистов, владельцев компаний, представителей сложных, требующих долгого обучения профессий, «богаты, многочисленны и уверены в себе и в своем праве», там и достигаются наилучшие результаты. Наилучшие результаты на пороге двадцатого века достигались в Англии.

В качестве своего рода «моментального снимка» Англии той поры можно привести книжку Дж. Джерома «Трое в лодке, не считая собаки». В ней повествуется о трех молодых балбесах, решивших взять себе короткий отпуск и прокатиться на лодке вверх по Темзе. Один из них «...спит в банке, когда притворяется, что он там работает...», что делают остальные его приятели, из книжки не ясно. Тем не менее описание их похода оставляет впечатление, что и скромный уровень доходов этих молодых людей был достаточен для наличия у них пледов и носовых платков, осознания необходимости в зубных щетках, возможности остановиться при случае в недорогих гостиницах — и полной готовности следовать следующему рецепту для поддержания здорового образа жизни:

«Один фунтовый бифштекс мяса и одна пинта горького пива — каждые 6 часов, одна 10-мильная прогулка — ежедневно по утрам, одна кровать ровно в 11 часов вечера. И не забивать себе голову вещами, в которых ничего не понимаешь».

Короче говоря, на Раскольникова эти молодые люди ходили очень мало.

Англия в конце девятнадцатого века жила в полном согласии с собой и в дружелюбном безразличии к окружающему ее миру.

Единственный иностранец, появляющийся в книжке Джерома, — комичный германский профессор Шлоссен-Бошен, исполняющий «меланхоличную германскую балладу, выслушав которую германский император расплакался, и его пришлось утешить, чтобы он успокоился». Книжка Джерома вышла в свет в 1889 году, так что, по всей видимости, имелся в виду император Вильгельм I, дед Вильгельма II.

Качества его внука, к сожалению, любовью к искусству не исчерпывались.

III

Если рассматривать Вильгельма II как частное лицо, то, пожалуй, главной чертой его характера было желание угодить. Для зрелого мужчины, подходившего к сорока, номинально — суверенного повелителя могущественной военной империи, это было,

пожалуй, странновато. Конечно, при некоторой снисходительности, полагающейся при суждении об августейших особах, это могло бы рассматриваться даже как *«похвальное честолюбие»*, — но проблема была в том, что он никак не мог определиться с тем, кому же он в конце концов хотел понравиться. Скажем, знаменитая телеграмма президенту Крюгеру вызвала явное раздражение его английских родственников, включая бабушку, королеву Викторию, которую он искренне почитал. И то, что английская родня посчитала его *«неотесанным тевтоном»*, ему было явно неприятно.

Но, с другой стороны, германское общественное мнение твердо стояло на стороне буров и обвиняло своего кайзера как раз в недостаточно сильной реакции, ставя ему в вину именно то, что он — полуангличанин. И он начинал оправдываться и в разговоре со своим канцлером говорил, что *«надо же что-то сделать, чтобы ограничить невыносимую наглость англичан»*. Правильной мерой такого ограничения он считал *«объявление Трансвааля протекторатом Германии»*, а на замечание, что это поведет к войне с Англией, браво отвечал, что «да, но это будет наземная война» — и в конце концов государственный секретарь Маршалл согласился на посылку телеграммы, полагая, что это — наименьшее зло.

Трения вокруг Трансвааля, однако, и не думали утихать. Буррам, надо сказать, горячо сочувствовали — и не только в Германии, но и в России, и во Франции. История бурской войны даже попала в российскую литературную традицию — три или четыре поколения подростков в России зачитывались переводом романа Луи Буссенара «Капитан Сорви-Голова», в котором беззаветно храбрый и несметно богатый юный французский миллионер со своими друзьями героически бьется с англичанами за свободу Трансвааля, делая это почему-то верхом на велосипеде. Романтические красавицы были в этой истории совершенно излишни, поскольку героям (и их аудитории) было предположительно 15 или 16 лет. А вооружены храбрые французские подростки были скорострельными немецкими винтовками «маузер». В той каше вздора, который представляла собой книга, эта деталь была едва ли не единственным элементом, совпадающим с реальностью.

IV

Будь Германия такой, какой она была в момент своего образования в 1870 году, дело ее конфронтации с Англией вряд ли пошло бы дальше литературных упражнений в духе Буссенара. Другие европейские страны находились в таком же положении. Фран-